

- Константин Степанович, когда вы впервые узнали о том, что Сталин - ваш отец?

- Я был еще совсем маленьким... У нас в Сольвычегодске на пустыре недалеко от нашего дома ссыльные устроили футбольное поле, и я часто бегал туда смотреть на игру. На краю поля подбирал мячи и подавал игрокам. Тогда, конечно, я не понимал, насколько сильно отличаюсь от своих сверстников. Черные-пречерные волосы, словом, ребенок, как теперь говорят, кавказской национальности. На меня все поглядывали с любопытством. И как-то я заметил, что один ссыльный пристально смотрит на меня. Потом он подошел ко мне, спросил, как зовут. Я ответил: "Костя". - "Так это ты сын Джугашвили?" - говорит. - Похож, похож..."

- Вы тогда не спросили у мамы: правда ли это?

- Я спрашивал ее об этом позже. Мама была женщиной доброй, хотя и с железным характером, и одновременно гордой. Иногда просто суровой, губы всегда плотно сжаты. Крепкая была женщина. И до последних своих дней очень разумная. Когда я спросил, правда ли то, что говорят, она ответила: "Ты мой сын. А об остальном ни с кем никогда не говори".

- Но что-то о Сталине она вам рассказывала?

- Да, кое-что вспоминала. Сталину нужно было наладить связь с товарищами по партии. В этом ему помогала мама. Делалось все просто. Она договаривалась с соседями, чтобы на их имя приходили письма для Сталина. Мама забирала почту и приносила ее квартиранту.

Я сейчас не могу точно вспомнить, сколько раз Сталин убегал. Надзор был не слишком суровым. Бежали тогда почти все ссыльные. Но когда его возвращали, он вновь поселялся у нас. Один раз бежал летом. Перед ним двое беглецов утонули, перебираясь через Вычегду. И о нем тоже долго ничего не было слышно. Мама сильно горевала, думала, что он не выплывет.

- Ваша семья была большой?

- У меня было три брата и две сестры от первого, если так можно сказать, брака мамы. Ее муж - Степан Михайлович - умер за два года до моего рождения. И самое интересное то, что меня, незаконнорожденного, вся семья обожала, особенно баловали сестры. Смешно, но старшая сестра была замужем за жандармом.

Мама на моей памяти нигде не работала. Занималась только семьей. После смерти мужа она начала сдавать комнату ссыльным. Потом комнату перегородили, и получилась крохотная квартира. Я никогда не интересовался, сколько платили постояльцы. Она говорила: "Не думай о деньгах. Как живем, так и проживем".

- А как в ваш дом попал Сталин?

- Мама рассказывала так. Пришел в дом грузин, спросил, здесь ли жил Давид, - так звали предыдущего жильца. "Жил", - говорит мама. - "Он порекомендовал мне поселиться у вас". Это и был Иосиф Виссарионович.

Его карьера была головокружительной даже для сталинского времени стремительных взлетов и падений. Из бескартийного вузовского преподавателя он за семь лет превратился в заместителя начальника управления пропаганды ЦК ВКП(б) и одновременно первого заместителя министра кинематографии. Секрет его успеха был одновременно и одним из тщательно скрываемых секретов государства. В его документах были скорректированы место и время рождения. Причина была простой - Константин Степанович КУЗАКОВ родился в доме, где квартировал сосланный в Сольвычегодск Иосиф Джугашвили. И члены семьи Сталина не без оснований считают Константина Степановича своим родственником. Но сам он всю жизнь сознательно уходил от обсуждения этих подробностей своей биографии. Сегодня он впервые рассказывает о них.

К. Кузаков - сын И. В. Сталина

- Он общался с другими ссыльными?

- Недалеко от нас жил Якуб. Кажется, из Чечни. Тоже ссыльный, но из уголовных. Их было очень немного в Сольвычегодске. Он говорил, что убил несколько человек. Спокойно так рассказывал. Любил возиться с детьми. Страшной силы был человек. Мама рассказывала, что каким-то образом Якуб подружился со Сталиным. И стал своеобразным охранником Сталина, везде сопровождал его.

Но, став вождем, Сталин не забрал его к себе. Я уже был студентом, когда Якуб погиб. Зимой вез продукты из соседнего Котласа. На скользком подъеме лошадь не выгнула, сани покатились вниз и придавили его.

- А когда "звание" сына Сталина стало помогать вам?

- Получилось это как-то для меня незаметно. Я учился в предпоследнем классе школы, когда к нам на товарищеский матч по футболу приехала команда из окружного центра - Великого Устюга. Вдруг ко мне подошел Вася Слепухин - секретарь окружкома комсомола. "Ты куда собираешься после окончания школы?" - спрашивает. Отвечаю, что хотел бы изучать политэкономиию. Вася пообещал дать мне комсомольскую путевку в институт. Дали мне направление в Ленинградский финансово-экономический. После экзаменов приходит ко мне в общежитие Слепухин. Он уже год как учился в этом институте и там тоже был избран комсомольским секретарем. "Ну, - говорит, - сын Сталина, отец-то теперь будет доволен". Я даже испугался. Думаю, разболтает всем, беды не оберешься. Но прошло все благополучно.

После института я был оставлен на преподавательской работе. Читал много лекций и через некоторое время был приглашен работать в лекторскую группу обкома партии. Хотя коммунистом и не был.

- Не хотели вступать или не могли?

- Когда я решил вступить в партию, началась чистка, и прием был закрыт. Коммунистом я стал только в 1939 году. И очень скоро попал в аппарат ЦК. Дело было так. Я читал лекции на курсах секретарей райкомов. Смотрю, в зал вошел Жданов. Посидел, послушал. Мне потом передали, что ему понравилось. Через короткое время меня телеграммой вызвали в Агитпроп ЦК в Москву. А Агитпропом руководил Жданов. Мне предложили стать инструктором, и я согласился. Ездил, проверял, как идет изучение "Краткого курса истории ВКП(б)". Скоро стал помощником начальника отдела, потом управления, и пошло, пошло...

- Жданов знал о вашем происхождении?

- Большим секретом это не было. Думаю, и для него тоже.

Константин Кузаков с матерью и сыном. Ленинград. 1935 г.

Фото из семейного архива

Но я всегда ухитрялся уходить от ответа, когда меня об этом спрашивали. Но, полагаю, мое продвижение по службе связано и с моими способностями. Хотя не могу отрицать, что, приближая меня к себе, Жданов хотел стать ближе к Сталину.

- К вам благоволит и другие члены руководства?

- Очень хорошо ко мне относился Поскребышев. Он же передавал мне и личные поручения Сталина. Одно время я чувствовал особое отношение ко мне Маленкова. Он попытался устроить мне личный прием у Сталина.

- Встреча состоялась?

- Ничего не вышло, причем по моей вине. Перед этим мы работали на Старой площади до самого утра, и вернувшись домой, я крепко уснул. Семья была на даче. Мне звонили и по вертушке, и по городскому телефону, а я спал. Проснулся, позвонил к себе в отдел, узнать, как дела. Сказали, что нужно срочно перезвонить Поскребышеву. Тот на меня шуметь: "Слушай, мы тебя искали-искали. Маленков сам тебе звонил. Товарищ Сталин хотел видеть тебя. Теперь поздно, к нему зашли маршалы, это надолго".

- Почему он вдруг захотел поговорить с вами? Ведь вы работали в ЦК не один год?

- Перед этим произошла такая история. На съездах партии и сессиях Верховного Совета СССР создавалась редакционная комиссия. Делегаты или депутаты за день до выступления сдавали в нее тексты своих выступлений. В комиссию входили люди из аппарата ЦК, Совнаркома и Президиума Верховного Совета. От ЦК, как правило, назначали меня. Я занимался политическим редактированием речей.

За несколько дней до состоявшейся встречи со Сталиным на сессии один из депутатов сдал на проверку речь, в которой просто обрушился на советских и партийных руководителей Прибалтики. А было негласное указание прибалтов не критиковать. Я в перерыве заседания подошел

к Жданову. "Что делать?" - спрашиваю. Андрей Александрович просмотрел речь, помолчал. Потом говорит: "Пойдем, посоветуемся с Молотовым". И мы пошли в буфет Президиума. Молотов начал читать, и вдруг я вижу, что на нас смотрит Сталин. Он рядом, в двух шагах. Тут Молотов говорит: "Я бы не стал эту речь давать, но надо посоветоваться". И глазами показывает на Сталина. Я даже шага не успел сделать в сторону Сталина. Раздался звонок, и члены Политбюро пошли в зал. Сталин оставившись и смотрел на меня. Я чувствовал, что ему хочется что-то сказать мне. Мне хотелось рвануться к нему, но что-то остановило меня. Наверное, подсознательно я понимал, что ничего, кроме больших неприятностей, публичное признание родства мне не принесет. Сталин махнул трубкой и медленно пошел...

- Вы больше не виделись с ним?

- Видел я его не раз. И издали, и близко. Но к себе он меня больше не вызывал. Думаю, не хотел делать меня инструментом в руках интриганов.

А очень близко я наблюдал его лишь однажды. На заседании Оргбюро ЦК я сидел недалеко от него. Как заместитель начальника управления я бывал на каждом заседании. Одно из них было посвящено кинематографии. Неожиданно вошел Сталин...

Потом я очень много думал, почему он так много времени отдавал кино? Он очень любил смотреть фильмы. Смотрел их много - и наших, и иностранных. Почему? Он был очень оторван от жизни. Принимал только помощников и приближенных. Почти нигде не ездил. Кинозал был его окном в мир.

- Каким он запомнился вам?

- Мне врезались в память его руки. Странные, необычные. На Оргбюро он все время делал пометки на листках. И потом рвал эти листки. На мелкие, нет, микроскопические кусочки. Никто бы не смог их снова собрать воедино. Совершенно закрытый человек. Закрытый от врагов,

друзей и обычных человеческих чувств...

- Константин Степанович, почему ваша блестящая карьера прервалась задолго до смерти Сталина?

- Она прервалась, но не завершилась. При Хрущеве и Брежнев я был директором издательства, начальником управления Министерства культуры и долгие годы - членом коллегии Гостелерадио. А прервалась карьера, если говорить коротко, в результате интриги Берии. Мне тяжело вспомнить это время. В 1947 году меня поздно вечером срочно вызвал к себе Андрей Александрович Жданов. У него сидел министр госбезопасности Абакумов. Мне сказали, что мой заместитель в ЦК Борис Сучков - шпион и выдал американцам секреты советской ядерной программы. У меня в глазах потемнело. Я не верил, что Борис предатель, но это уже не имело никакого значения. Его, кстати, реабилитировали впоследствии. Атомными вопросами занимался Берия, и никакой пощады ни Сучкову, ни тем, кто с ним знаком, ждать не приходилось. Особенно мне, поскольку именно я поручился за Бориса при приеме на работу в ЦК. Тогда была такая форма взаимной ответственности.

- Чем же вы провинились перед Берией?

- Не я. Берия пытался уничтожить Жданова. И хотел, чтобы компромат на Жданова Сталину дал я. Нигде в документах зафиксировано не было, но на работу в аппарат ЦК Сучкова рекомендовал Жданов. А я по просьбе Андрея Александровича только подписал поручительство. Берия, конечно, все знал и мог сам доложить об этом, но предпочел обзавестись свидетелем, которому Сталин поверил бы безоговорочно.

- Как вел себя Жданов?

- Делал вид, будто не имеет к Сучкову никакого отношения. Говорил, что плоховато мы знаем своих сотрудников.

- Он просил вас не выдавать его?

- Зачем? Нас могли подслушивать. А я прекрасно понимал, что, назови я Жданова, мы все автоматически становимся участниками грандиозного заговора. И защитить нас уже не сможет никто.

А так меня судили судом чести ЦК за потерю бдительности. Исключили из партии, сняли со всех постов. Было тяжело, но все же не лагерь и не расстрел. А в день ареста Берии меня восстановили в партии. Председатель Комитета партийного контроля Шверник показал мне мое персональное дело. Многие из тех, кого я считал друзьями, написали на меня страшные доносы.

- Вас спас Сталин?

- Да. Берия вынес вопрос об "атомном шпионаже" на Политбюро, и там, как мне потом рассказал Жданов, требовал моего ареста. Он ведь понимал, что в тюрьме они заставят меня подписать любые признания. Сталин долго ходил вдоль стола, курил и потом сказал: "Для ареста Кузакова я не вижу оснований".

Беседовал Евгений ЖИРНОВ, главный редактор информационного агентства "Росинформ"